

УДК 94(470.5+477)“1920/1930”

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-2-106-121

Михеев Михаил Викторович

к. и. н., Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0001-8097-4953

E-mail: mikheeviiiauroran@yandex.ru

**Урал и Украина в системе межрегиональных противоречий
1920-х — 1930-х гг. (продолжение)***

АННОТАЦИЯ. Настоящее исследование продолжает серию статей, посвященных проблеме межрегиональных экономических противоречий Урала и Украины в СССР межвоенного периода. Во второй части работы автор рассматривает тенденции территориальной организации советской черной металлургии вокруг Урала и Украины в контексте изменений экономической, политической и социальной конъюнктуры, произошедших вследствие Октябрьской революции. Эти тенденции выражались в сдвиге размещения производительных сил советской черной металлургии к западным границам СССР, с преимущественной концентрацией их на Украине. При этом, в сравнении с дореволюционным временем, указанный сдвиг носил более выраженный характер, что было вызвано сопровождавшими восстановление промышленности Урала в 1920-х гг. кризисными явлениями. Последние были вызваны невозможностью сохранения в регионе технологии древесноугольной металлургии в дореволюционном объеме и виде. Попытки приспособить уральскую металлургию к существовавшим условиям без структурных технологических изменений оказались неудачны и привели к угрозе ее фактического поглощения украинским производством путем организации общесоюзного металлургического синдиката с доминированием украинских трестов. Это привело к активизации регионалистских тенденций на Урале, усугублявшихся под воздействием его экономических противоречий с Сибирью и проявившихся в ходе минерализации уральского топливного баланса каменным углем Кузнецкого бассейна. На фоне разворачивавшегося в стране «металлического голода» тенденция к концентрации металлургического производства на Украине предопределяла противодействие не только индустриального Урала, но и центрального правительства, что в скором времени должно было привести к всплеску регионалистских тенденций уже на Украине.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономическая история, экономическая география, Урал, Украина, Западная Сибирь, Октябрьская революция, металлический голод, регионализм

Для цитирования: Михеев М. В. Урал и Украина в системе межрегиональных противоречий 1920-х — 1930-х гг. (продолжение) // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 2. С. 106–121. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-2-106-121

Поступила в редакцию 07.04.2024

Принята к публикации 09.06.2024

© Михеев М. В., 2024

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10159. Автор выражает благодарность к. и. н. Г. Н. Шумкину за консультации в ходе подготовки статьи. Ввиду масштаба поднятой темы, редакция приглашает заинтересованных исследователей к дискуссии.

UDC 94(470.5+477)“1920/1930”

DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-2-106-121

Mikhail V. Mikheev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0001-8097-4953

E-mail: mikheeviiiauroran@yandex.ru

The Urals and Ukraine in the System of Interregional Contradictions of the 1920s — 1930s (Part 2)

ABSTRACT. The study continues a series of articles devoted to the problem of interregional economic contradictions between the Urals and the Ukraine in the USSR during the interwar period. In the second part of the work, the author examines the trends in the territorial organization of the Soviet ferrous metallurgy around the Urals and the Ukraine in the context of changes in the economic, political and social conjuncture occurred in the wake of the October Revolution. These trends were expressed in a shift in the location of the productive forces of the Soviet ferrous metallurgy to the western borders of the USSR, with their predominant concentration in the Ukraine. At the same time, in comparison with pre-revolutionary times, this shift was more pronounced, which was caused by the crisis phenomena accompanying the restoration of the Ural industry in the 1920s. The latter were caused by the inability to preserve the technology of charcoal metallurgy in the region in a pre-revolutionary volume and form. Attempts to adapt the Ural metallurgy to the existing conditions without structural technological changes proved unsuccessful and led to the threat of its actual absorption by the Ukrainian production through the organization of a union-wide metallurgical syndicate dominated by Ukrainian trusts. This led to the intensification of regionalism tendencies in the Urals, aggravated by its economic contradictions with Siberia and manifested during the mineralization of the Ural fuel balance with coal from the Kuznetsk basin. Against the background of the «metal famine» unfolding in the country, the tendency to concentrate metallurgical production in the Ukraine predetermined the opposition not only of the industrial Urals, but also of the central government, which would soon lead to a surge of regionalism tendencies in the Ukraine as well.

KEYWORDS: economic history, economic geography, Urals, Ukraine, Western Siberia, October Revolution, metal famine, regionalism

For citation: Mikheev M. V. [The Urals and Ukraine in the System of Interregional Contradictions of the 1920s — 1930s (Part 2)]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 2, pp. 106–121. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-2-106-121 (In Russian)

Received 7 April 2024

Accepted 9 June 2024

© 2024 The Autor

«МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ГОЛОД» И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УКРАИНЫ

В 1920-х гг. в Советском Союзе ощущалась сильная нехватка металла. «Металлический голод» не был новым явлением для России. Еще в 1913 г. отмечалась нехватка 1,5 млн тонн черных металлов в русской промышленности, при общероссийском производстве 4,6 млн тонн. Это потребовало в 1914–1915 гг. завоза в Россию на льготных условиях 1,25 млн тонн чугуна. По оценке Главного управления металлургической промышленности ВСНХ СССР (Главметалла), в 1924/25 г. дефицит черных металлов в стране составил 2,5 млн тонн при общесоюзной выплавке чугуна в 1,3 млн тонн. При этом возможности покрытия дефицита за счет импорта были ограничены по политическим и экономическим причинам («Золотая блокада» и нехватка валюты).

Если в 1912 г. импорт металла в Россию покрывал 27 % национального потребления, то в 1924/25 г. только 19,9 %. Между тем восстановление и рост советского народного хозяйства с каждым годом вызывало все более усиленный спрос на металл, ужесточая его дефицит. В частности, в отношении специальных черных металлов (жаропрочные, износостойкие, жаростойкие и т. п.). Главметалл констатировал, что спрос на них и до революции не удовлетворялся внутренним производством и для его покрытия приходилось прибегать к импорту, который в 1912 г. составил 2,5 %, а в 1924/25 г. почти такие же 2,3 %. При этом в целом в дореволюционный период, несмотря на значительно больший выпуск черных металлов внутренним производством, ввоз черных металлов в абсолютных цифрах в пять раз превышал такой же в 1924/25 г.¹

Было очевидно, что с дальнейшим увеличением темпов развития народного хозяйства советская промышленность неизбежно должна была испытывать все более острый недостаток в металле. К 1926 г. этот недостаток стал усугубляться недостатком лома. Так, при спросе на него со стороны металлопромышленности в количестве 4,5 млн тонн она располагала только 3,3 млн тонн, что приводило к новым увеличениям расхода свежего чугуна.

Дефицитный баланс по черным металлам в значительной степени обуславливался диспропорцией в росте различных отраслей советской металлопромышленности. Если в 1912 г. удельный вес изготовления металла в общей массе металлопродукции составлял 47,1 %, то в 1923/24 г. он снизился до 34 %, поднявшись в 1924/25 г. и 1925/26 г. до 36,4 % и 38 % соответственно. Указанная диспропорция, то есть скорейший рост металлообработки перед изготовлением металла, вызывал со стороны первой повышенный спрос на черные металлы. Баланс черных металлов, невзирая на значительный рост выпуска продукции в 1925/26 г., все же сводился против существующих потребностей с дефицитом в количестве около 2,5 млн тонн. При этом общесоюзное производство чугуна в 1925/26 г. составляло 2,2 млн тонн².

В феврале 1926 г. председатель Уралмета А. В. Озерский так характеризовал эту обстановку перед членами правления синдиката: «Приемная председателя Главметалла [Ф. Э. Дзержинского] с утра до вечера полна людьми, требующими металла. Приезжают делегации заводов, подкрепленные представителями рабочих от фаб[рично-]зав[одских] ком[итетов], и ставят вопрос ребром: либо закрывать завод, либо давать чугун [...]. Говорят: “разрешите вопрос: либо сегодня закрыть завод, либо дайте чугун”. Со всех концов идут большие требования на металл. Целиком их отвергать ГУМП не может [...], это [...] вносит путаницу»³.

К этому времени украинская металлургия восстановила свое доминирование в общесоюзной выплавке чугуна, доведя свою долю здесь до 70 %. До 1925/26 г. Югосталь увеличивала объем своей работы ежегодно по меньшей мере вдвое. ВСНХ и Главметалл ожидали расширения южного производства только в части выплавки чугуна на 83 % (1,6 млн тонн в 1925/26 г. против 0,9 млн тонн в 1924/25 г.), стоимость всей произведенной продукции должна была увеличиться на 125 % (с 100 до 225 млн рублей в продажных ценах синдиката). При этом в абсолютных цифрах производство чугуна на Украине выросло только на 34 %. Удовлетворение потребителей металла по стране общесоюзной металлургией в среднем составляло 84,8 %, удовлетворение заказов Югосталью составило 76,6 %, не оправдав ожиданий центральных планирующих органов. Главными причи-

¹ Спектор Г. А. Баланс черных металлов в 1925/26 г. И их распределения // Уголь и железо. 1926. № 7. С. 92–93.

² См.: Михеев М. В. Урал и Украина в системе межрегиональных противоречий 1920-х—1930-х гг. (начало) // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 1. С. 48, 50, 51, 52.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 342. Л. 82 об.

нами этой неудачи представители правления треста называли жилищный кризис, изношенность оборудования, перебои с поставками сырья⁴.

Отсутствие квартир для рабочих при условии вовлечения в производство большого количества новых рабочих масс создали жилищный кризис, и текучесть рабочего состава, наблюдавшаяся на заводах Югостали уже и ранее, в 1925/26 г. обострилась, сопроводив собой падение трудовой дисциплины и увеличение прогулов, снизив тем самым производительность труда. Изношенность оборудования уже с начала 1925/26 г. оказалась большей, чем предполагалось. Уже в 1924/25 г. оборудование работавших тогда заводов Югостали было нагружено до крайнего напряжения. Пускались в строй последние законсервированные в годы Гражданской войны и находившиеся в плохом техническом состоянии заводы. При этом заказы на иностранное оборудование откладывались в течение года из-за сокращения и неопределенности импортного плана. Из-за этого становилось невозможным построить и проводить твердый план капитальных работ (строить под новое оборудование фундаменты и здания). Изношенность оборудования, не смягченная своевременно выполненными восстановительными работами, привела к серии аварий и простоям в производстве.

Имело место повышение цен на потребляемое Югосталью сырье, технические и вспомогательные материалы от 10 % до 50 % (руда, лес и т. д.). Повышались железнодорожные тарифы на перевозку этих материалов, падало качество материалов, предоставляемых Югостали поставщиками. Финансовые затруднения, возникавшие вследствие повышения себестоимости продукции, задерживали темпы проведения капитальных работ, а несвоевременное выполнение последних само по себе задерживало развитие производства и отражалось на себестоимости готовых изделий.

Уже в конце первого квартала 1925/26 г. ВСНХ был вынужден снизить производственную программу для металлургической промышленности Украины на 14 %. В частности, на 4 % была сокращена программа выплавки чугуна, но этот смягченный план в 1,6 млн тонн был выполнен только на 97 %. При этом оказались исчерпаны производственные резервы, сформировавшиеся в дореволюционный период. Все старые предприятия и производства были введены в работу. Сильный износ их оборудования вкупе с выработкой старых рудных и угольных месторождений не позволил украинской металлургии в абсолютных цифрах превзойти уровень 50 % производства 1913 г.⁵

ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ИНДУСТРИИ УРАЛА

Если восстановление украинской металлургии после Гражданской войны носило в первую очередь технический характер и во многом сводилось к запуску старых шахт, рудников и домен, наладке и обновлению их оборудования, поддержанию функционирования сформировавшихся до революции хозяйственных связей и производств, то на Урале восстановление металлопромышленности сопровождалось сильными структурными сдвигами и изменениями.

По оценкам региональных хозяйственных руководителей, в общих чертах показатели развития экономики Урала начали выходить на довоенный уровень 1913 г. к началу 1926 г. Хозяйство региона восстанавливалось неравномерно. Так, грузооборот железных дорог составил 105 % от довоенного уровня, валовый сбор хлебов превысил 80 %, а объем учетно-ссудных операций – 55 %. Несмотря на то, что показатели по рабочей силе приблизились к 80 % от довоенного уровня, производство продукции трестированной промышленности едва превышало 60 % (см. рис. 1)⁶.

При этом черная металлургия региона также восстанавливалась дифференцированно. В декабре 1925 г., выступая на VII партийной конференции Уралобкома ВКП(б), председатель Уралоблисполкома Д. Е. Сулимов отмечал, что, несмотря на то, что добыча железной руды и производство чугуна составили только 59 % и 62 % от довоенного, изготовление металла в слитках сравнялось с 1913 г. Производство рельсов равнялось 71 %, сортового железа уже 94 %, производство кровельного железа превысило довоенный и составило 103 %, катанной проволоки было произведено 140 %, а дававшей наивысшую доходность жести – 152 %⁷.

⁴ Бирман И. П. Пути развития южной металлургии: итоги и перспективы // Уголь и железо. 1926. № 14. С. 88–91.

⁵ См.: Бирман И. П. Указ. соч. С. 88–91; Михеев М. В. Указ. соч. С. 48, 50, 51, 52.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1. Л. 164.

⁷ Там же. Д. 4. Л. 137–139.

Динамика уральского хозяйства.

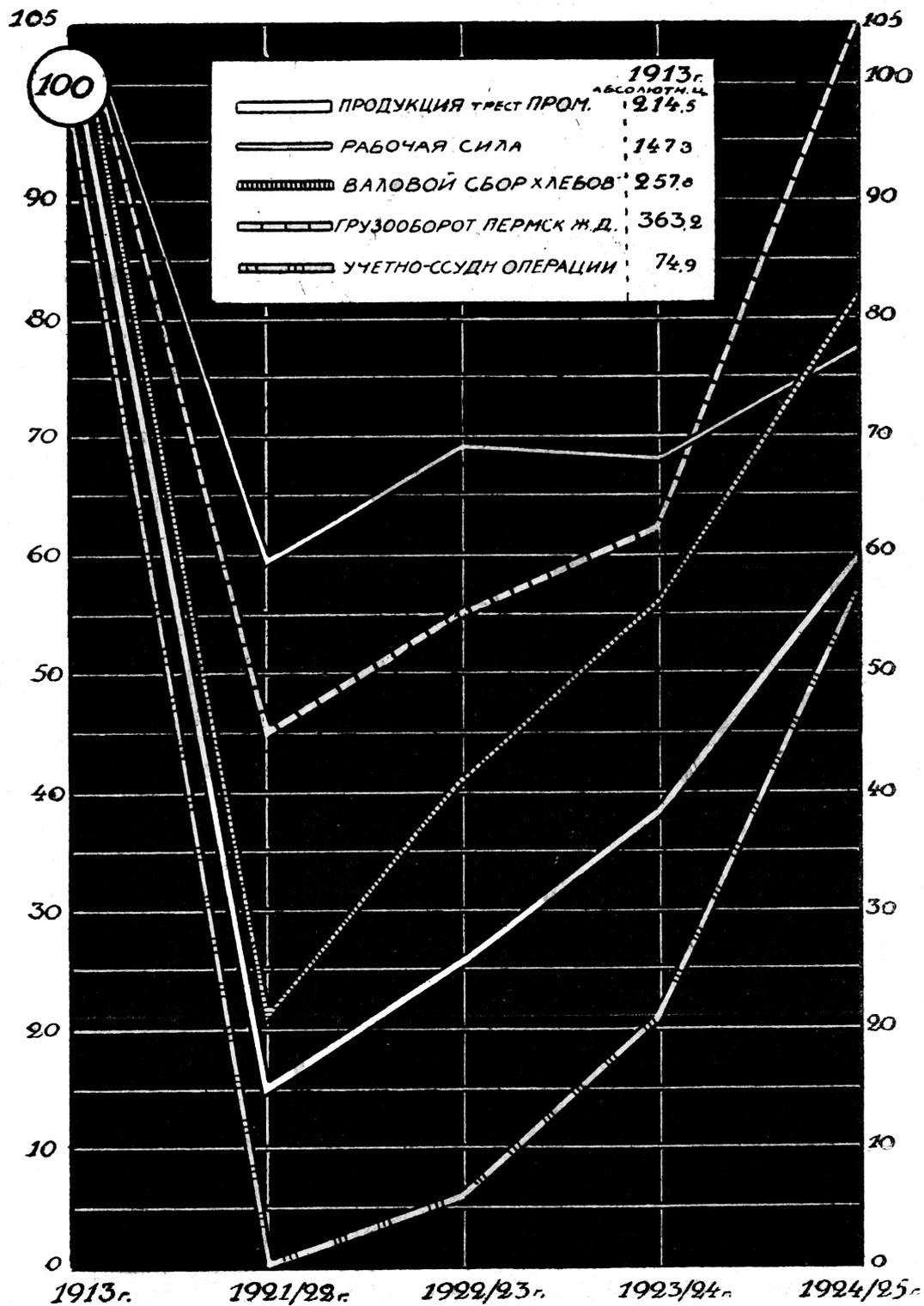

Рис. 1. Динамика восстановления отраслей уральского хозяйства в 1921/22–1924/25 гг.
в сравнении с 1913 г. (%)

Fig. 1. Dynamics of the restoration of the Ural economy in 1921/22–1924/25 compared to 1913 (%)

Источник: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1. Л. 164

То есть рыночная продукция уральской промышленности росла быстрее, чем выплавка чугуна. Это обеспечивалось переходом металлопромышленности региона на выпуск наиболее дорогой, квалифицированной, сортовой рыночной продукции. Сместив акцент развития промышленности с выплавки чугуна и переработки его в тяжелое железо на мелкое сортовое железо, жель, оцинкованное и кровельное железо, организовав с 1920 г., впервые на Урале, производство железных труб, хозяйственные руководители области с гордостью могли демонстрировать полученный от этого эффект, когда при 62 % выплавки чугуна от 1913 г. стоимость выпущенной металлургической продукции приблизилась к 112 % от довоенной⁸.

Отметим, что, судя по косвенным данным, на Украине существовала аналогичная тенденция, ведь в 1925/26 г. планировалось увеличение количества выпущенной ею продукции на 125 % в стоимостном и только на 34 % в натуральном выражении (см. предыдущий параграф).

Такой вектор развития стал формироваться под давлением не столько хозяйственных, сколько общественно-политических обстоятельств. Ранее мы подробно останавливались на значении древесноугольного топлива для металлургии региона⁹. После революции его заготовка в прежних масштабах оказалась невозможна. Советская власть ликвидировала институты внеэкономического принуждения уральского горнозаводского населения к участию в лесозаготовках, существовавшие в имперское время (институт временной обязанности, действовавший в регионе со времен Великих реформ Александра II). Теперь лесозаготовительные кампании не выполнялись систематически в первую очередь из-за осложнений, связанных с вольным наймом большого количества неквалифицированной и малооплачиваемой рабочей силы. Заводы, приступая к выполнению кампании и конкурируя друг с другом, сразу же сталкивались с недостатком дроворубов и дровозовов и были вынуждены привлекать их повышением оплаты. Таким образом, в 1926 г. цены за рубку леса в сравнении с 1913 г. выросли почти в четыре раза (4 руб. 83 коп. и 1 руб. 23 коп. за кубическую сажень соответственно), цены на древесный уголь возросли почти в три раза (7 руб. против 2 руб. 50 коп. за короб). При этом увеличение платы рубщикам и возчикам не в состоянии было дать увеличение рабочей силы, ее контингент по-прежнему оставался недостаточным¹⁰.

Проблему усугубляли произошедшие вследствие революции изменения в распределении лошадей по крестьянским хозяйствам. До 1917 г. заводы привлекали к лесозаготовкам возчиков, имевших 10 и более лошадей, а одноконные были исключением. В середине же 1920-х гг. доминировали одноконные возчики. Так, в 1923 г. при перевозке угля из Верхне-Туринской лесной дачи на Кушвинский завод обращалось 240 лошадей на 180 возчиков. Схожая ситуация была с перевозкой руд, осуществлявшейся во многом гужевым транспортом. К примеру, в 1926 г. 42 % рудозовов Старо-Уткинского завода были одноконными. Одноконный возчик по очевидным причинам обходился предприятию дороже многоконного, ведь только большая заработная плата могла обеспечить ему прибыль от участия в заготовках руды и леса. При этом крестьяне не были заинтересованы в расширении собственного конного хозяйства, хотя, казалось бы, высокий спрос на их услуги гарантировал регулярные сезонные заработки. Ведь по советским законам увеличение количества рабочего скота в хозяйстве приводило к прогрессивному увеличению сельхозналога¹¹.

До революции на Урале существовала практика привлечения на лесозаготовки рабочих из других регионов, главным образом из Вологодской, Костромской и Вятской губерний. В 1920-е гг. программы лесозаготовок оказались раздуты собственно в этих регионах, что вынуждало привлекать рабочих Симбирской, Тамбовской губерний и даже из Средней Азии. Решение в 1917 г. большевистским правительством земельного вопроса в пользу крестьян (Декрет о земле) и последовавшее за этим наделение крестьян землей мешало вербовке на лесозаготовки людей, получивших таким образом регулярный источник к существованию, в особенности во время хороших урожаев. В духе старорежимных чиновников со страниц М. Е. Салтыкова-Щедрина члены Уральского обкома ВКП(б) были вынуждены обсуждать способы «заставить мужика работать»¹².

⁸ Андронников В. Н. Основные положения пятилетнего перспективного плана развития уральской промышленности // Хозяйство Урала. 1926. № 17. С. 7; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 4. Л. 137–138.

⁹ См.: Михеев М. В. Указ. соч. С. 49–57.

¹⁰ См.: Жеребин Н. А. О способах снижения стоимости металла на Урале // Хозяйство Урала. 1927. № 1. С. 130–146.

¹¹ См.: Там же.

¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4. Л. 12–19, 34; Д. 5. Л. 2–3, 118–129; Д. 10. Л. 221–223.

Схожей проблемой было присвоение горнозаводским населением принадлежавших заводам земельных угодий, в первую очередь из числа лесных фондов. Несмотря на то, что Декрет о земле не затрагивал заводские землевладения, они подверглись самозахвату со стороны местного населения. За период 1917–1925 гг. количество земли, используемое горнозаводским населением Урала, выросло более чем в два раза, с 460 тыс. десятин до 1 млн 24 тыс. десятин¹³. Препятствовать такому положению дел было затруднительно для властей по политическим причинам. К политическим проблемам развития металлургии Урала можно отнести и падение производственной дисциплины на предприятиях региона. Социальная напряженность сохранялась здесь на протяжении 1920-х гг. Источники фиксируют здесь регулярные прогулы, неподчинение рабочих инженерам и даже нападения и покушения на специалистов со стороны рабочих, отдельные представители которых чересчур буквально понимали ленинские тезисы о диктатуре пролетариата. Такие действия приводили к катастрофическому снижению производительности труда в промышленности и увеличивали стоимость рабочей силы, задействованной непосредственно на производстве¹⁴.

Отметим, что перечисленные проблемы развития уральской промышленности в значительной степени служат концентрированным проявлением прогрессивных черт Октябрьской революции. На примере Урала можно наблюдать, как социально-политические завоевания широких народных масс в прямом смысле слова уничтожали архаичные технологии металлургического производства, создавая таким образом запрос на новые, технически прогрессивные разработки, позволявшие осуществить модернизацию экономики в регионе. К настоящему времени этот аспект должным образом не освещен даже в апологетической историографии Урала советского времени.

В целом же восстановление металлургии Урала сопровождалось тремя организационными проблемами, сводившимися к нехватке и удорожанию древесноугольного топлива, руды и рабочей силы. При этом если проблему роста стоимости руды отчасти удавалось решать путем разработки наиболее богатых месторождений, организация дисциплины производства была вопросом времени и политической воли, то нехватка древесноугольного топлива носила неизбежный и структурный характер. Низкий уровень концентрации производства уральской промышленности позволил ей, на фоне Юга, относительно успешно функционировать в годы Гражданской войны, но он же выступал препятствием к дальнейшему количественному росту продукции на промышленных предприятиях Урала. Делал его невозможным без резкого увеличения стоимости гужевых перевозок, сырья, топлива и рабочей силы. Как отмечал в 1926 г. инженер Н. А. Жеребин: «...если на Юге, например, надо увеличить производство для того, чтобы его удешевить, то на Урале в настоящем его положении, наоборот, для того чтобы производство удешевить, надо его несколько уменьшить, потому что это дает возможность поддерживать цены для добычи и перевозки сырья и топлива»¹⁵.

ДИЛЕММА УРАЛА

Из приведенных материалов видно, что промышленность горнозаводского Урала содержала в себе ряд внутренних структурных противоречий, от которых индустрия Украины была свободна. Пути решения проблем украинской металлургии были очевидны для современников. В общих чертах они заключались в привлечении большого ($\approx 80\%$ от годовой стоимости произведенной продукции¹⁶) объема капиталовложений, направленных на дооборудование существующих предприятий, разрешение жилищного кризиса, проведение геологоразведывательных работ для приращения запасов руды и угля, электрификацию производства, урегулирование тарифной политики железных дорог и т. д. Представители плановых, хозяйственных и партийных структур общесоюзного и регионального уровня могли спорить относительно конкретного применения этих капиталовложений на уровне отдельных предприятий и отраслей, но общий вектор реконструкции металлопромышленности Украины не вызывал сомнений.

На Урале ситуация была резко противоположной. С одной стороны, падение удельного веса региона (до 20%) в общесоюзном металлургическом производстве было очевидно и предсказуемо. Д. Е. Сулимов комментировал это так: «Мы заняли довоенное соотношение в металлургической

¹³ Там же. Д. 10. Л. 465–477.

¹⁴ Там же. Л. 264.

¹⁵ Жеребин Н. А. Указ. соч. С. 130.

¹⁶ Бирман И. П. Указ. соч. С. 50.

промышленности. У Юга все преимущества: богатейшая топливная база, имеется по сравнению с нами современное оборудование. Мы в техническом отношении не можем ни в каком случае сравниться с ними, и это несмотря на то, что уральская металлургия существует уже около 300 лет, а южная всего 50–60 лет»¹⁷.

В середине 1920-х гг. запасы железа в недрах Урала оценивались в размере от 0,5 до 1,6 млрд тонн (преимущественно – юг региона). Это давало достаточные основания считать, что на его базе можно построить металлургическую промышленность, сравнимую с украинской. Как было отмечено выше, в существовавших условиях ее объем был лимитирован древесноугольным топливом. При самых оптимистических перспективах использования лесных ресурсов Урал мог выплавлять на древесном угле не более 1,2–1,3 млн тонн чугуна в год. Это было на 44 % больше уровня 1913 г., но уже на 14 % меньше количества чугуна, выплавленного на Украине в 1925/26 г.¹⁸

Необъятные запасы руд заставляли учитывать возможность ее плавки на топливе из других районов. В первую очередь здесь вспоминался Кузнецкий бассейн. Возможность минерализации топливного баланса Урала за счет углей Кузбасса рассматривалась хотя бы в сторону замены потребления дров во всех процессах промышленности, кроме доменного. Именно в таком направлении развивалось потребление разных видов топлива в регионе в 1921/22–1926/27 гг., когда доля потребляемого здесь каменного угля (в значительной степени сибирского) выросла с 21 % до 43 % (см. рис. 2). В случае сохранения темпов минерализации топливного баланса предполагалось возможным поднять выплавку уральского чугуна до 3,3 млн тонн к 1932 г. (столько же выплавлялось на Украине в 1913 г. и 1927 г.). Ранее мы отмечали, что с 1924 г. каменный уголь постепенно вовлекался и в доменное производство, хоть и в ограниченных масштабах¹⁹.

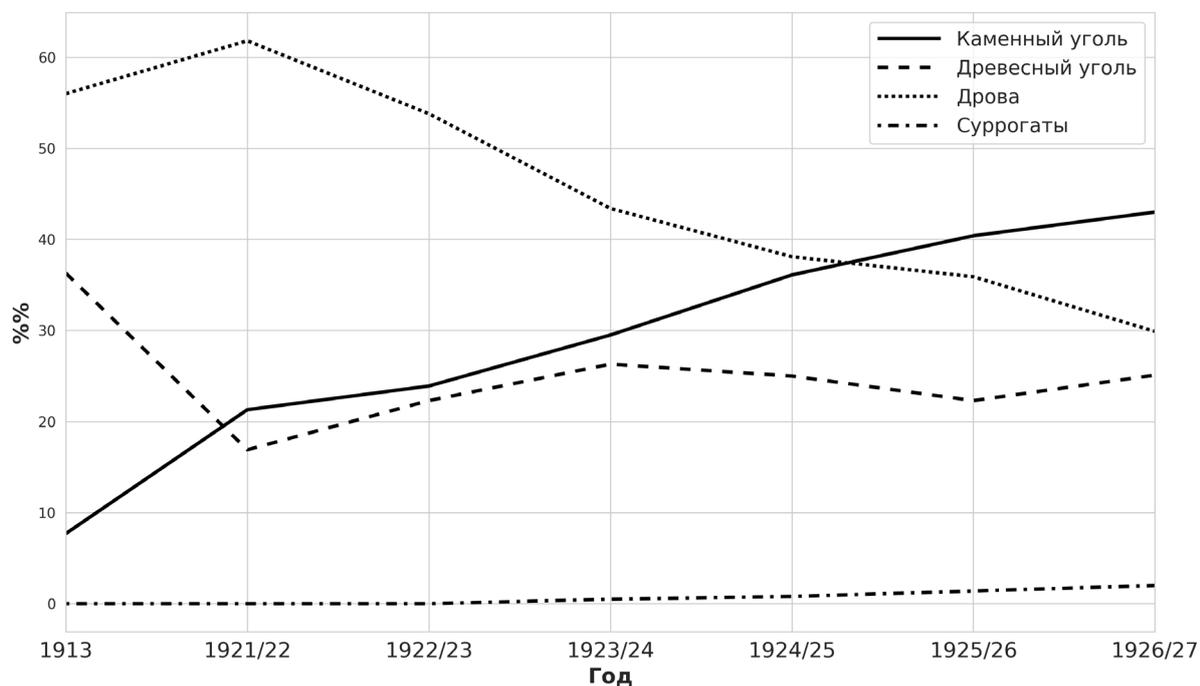

Рис. 2. Топливный баланс Урала в 1921/22–1926/27 гг. в сравнении с 1913 г. (%)

Fig. 2. Fuel balance of the Urals in 1921/22–1926/27 compared to 1913 (%)

Источник: Соловов М. А. Перспективы развития черной и цветной металлургии Урала // Хозяйство Урала. 1928. № 10. С. 35

¹⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 4. Л. 230.

¹⁸ Андронников В. Н. Перспективы развития металлургии СССР и роль Урала в этом развитии // Хозяйство Урала. 1925. № 2. С. 17.

¹⁹ Саухат И. Г. Минерализация топлива на Урале и условия ее развития в ближайшем будущем // Хозяйство Урала. 1926. № 9. С. 135; Соловов М. А. Перспективы развития черной и цветной металлургии Урала // Хозяйство Урала. 1928. № 10. С. 35; Михеев М. В. Указ. соч. С. 53–56.

Несмотря на то, что минерализация топливного баланса Урала была неизбежна, необходимость минерализации доменного производства была очевидна, масштабы такой минерализации подвергались критическому обсуждению в кругах партийной бюрократии и технической интеллигенции. Выше было показано, что рост стоимости промышленной продукции Урала перекрывал ее отставание от общесоюзных темпов развития в количественном отношении. Соответственно, индустрия Урала сохраняла экономическую эффективность, несмотря на существовавшие кризисные явления. На Урале была распространена такая позиция: «Путь конкуренции с Югом, путь войны – плохая торговая политика для Урала», ведь «финансовая мощь уральской железной промышленности никогда не будет базироваться на тяжелой черной металлургии [...]. Здесь всегда будет доминировать Юг. Деньги нам будут давать сваривающееся и не ржавеющее высококачественное листовое железо, отливки, кованный чугун и твердая и полутвердая сталь»²⁰.

Первоначально такая линия поведения признавалась правильной в Уралобкоме. На апрельском партактиве 1926 г. новый председатель Уралоблисполкома, сменивший выдвинутого на должность первого секретаря обкома Д. Е. Сулимова, В. И. Локацков признавал: «Мы вели линию на то, чтобы выпускать возможно большей ценности товары, не гнаться за массой чугуна, а гнаться за червонцем. Но тот чугун, который мы получили в меньшем количестве, чем до [Первой мировой] войны, мы должны на рынок дать возможно больше по ценности»²¹. Под сомнение ставилась сама возможность конкуренции двух регионов. Член президиума Уралоблсовнархоза П. А. Ардов отмечал в 1925 г.: «Южная металлургия как будто имеет значительные возможности к производству более дешевой продукции, и Урал неизбежно должен столкнуться с Югом как конкурентом, особенно на центральном рынке. Однако, рассматривая вопрос об этом практически, мы думаем, что для уральской промышленности нет серьезных оснований. [...] Юг работает в сфере снабжения транспорта и тяжелой промышленности, Урал же удовлетворяет спрос широкого потребителя, главным образом крестьянского рынка»²². Предполагалось, что в условиях «металлического голода» любая металлургическая продукция будет раскуплена и в связи с этим конкуренция Урала и Украины невозможна.

Конечно, имелись и альтернативные мнения. Член президиума Уралплана К. И. Клименко недвусмысленно декларировал в печати: «Быстрое шествие энергетически сильного, совершенно оборудованного, широко организованного и насыщенного капиталами Юга ставит промышленность Урала в положение длительного угнетения. Длительное предвоенное хозяйственное угнетение ставит перед Уралом трудную задачу коренного переустройства уральского хозяйства и определения путей, возможно, более широкого и интенсивного его развития»²³.

На Урале, в особенности в плановых органах, разрабатывались проекты альтернативного пути развития региона, заключавшиеся в строительстве новых предприятий. В первую очередь речь шла о трех машиностроительных заводах (горного оборудования в Свердловске, вагонного в Нижнем Тагиле, тракторного в Воткинске) и двух металлургических (по одному на Среднем и Южном Урале с годовой мощностью в 0,8 млн тонн и 0,3–0,5 млн тонн соответственно). Два последних должны были эксплуатироваться на минеральном топливе. Причем южноуральский завод мог питаться только углями Сибири²⁴. Тем не менее «сибирская» ориентация этих проектов была не столь однозначна. В частности, Свердловский машиностроительный завод (будущий Уралмаш) изначально проектировался под производство металлургического оборудования для древесноугольной металлургии²⁵.

Таким образом, к середине 1920-х гг. Урал стоял на своеобразном распутье своего дальнейшего развития. Ему предстояло сделать выбор между двумя вариантами: либо производство для общесоюзного рынка малого количества дорогостоящей металлургической продукции, либо переориентироваться на экстенсивное развитие своей металлической индустрии за счет привлечения в регион большого количества стороннего минерального топлива из Сибири. При этом первому варианту препятствовали социально-политические обстоятельства, связанные с последствиями для региона от Октябрьской революции, второму не в последнюю очередь мешала позиция сибирских

²⁰ Грум-Гржимайло В. Е. Организация проектирования новых заводов на Урале // Хозяйство Урала. 1925. № 3. С. 21.

²¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 333. Л. 3.

²² Ардов П. А. Основные проблемы уральской промышленности // Хозяйство Урала. 1925. № 1. С. 29.

²³ Клименко К. И. Наши достижения // Хозяйство Урала. 1925. № 5–6. С. 15.

²⁴ Соловов М. А. Восстановительное строительство уральской металлургии // Хозяйство Урала. 1925. № 3. С. 18; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1. Л. 125.

²⁵ Зыков В. В. Уральский завод тяжелого машиностроения // Хозяйство Урала. 1930. № 10. С. 114.

хозяйственных и партийных органов, контролировавших Кузнецкий каменноугольный бассейн. Действия общесоюзного правительства и отраслевых органов управления черной металлургией на этот счет также были неоднозначны. Два последних аспекта требуют отдельного освещения.

УРАЛО-СИБИРСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Сибирская каменноугольная промышленность, безусловно, была заинтересована в вывозе собственных углей на Урал, металлургия которого представляла собой обширный рынок сбыта для кузнецкого топлива. Не сильным преувеличением будет утверждать, что именно инициативы сибирских плановых органов в наибольшей степени помогли формированию и теоретическому оформлению идеи Урало-Кузнецкого проекта²⁶. С 1913 г. по 1928 г. отдел статистики Омской железной дороги фиксировал рост вывоза каменного угля из Сибири в 13 раз. За этот период доля каменного угля в общей массе грузов, вывозившихся из Сибири на запад, выросла с 13 % до 34 %, значительно потеснив главный «экспортный» товар Сибири – хлеб, чья доля снизилась с 61 % до 43 %, при общем увеличении количества вывозимых грузов почти в пять раз (см. рис. 3, 4).

При этом снабжение Урала сибирским топливом сопровождалось рядом осложнений. В 1927 г. ответственный секретарь Уралплана И. Г. Саухат резюмировал их так: «Имевшие место до сего времени и продолжающиеся в настоящем ненормальности снабжения Урала со стороны Сибири кузнецким коксом, выражавшиеся в нерегулярных отправлениях и нередко в неудовлетворительном качестве посылаемого кокса, далеко не отвечающих природным богатым возможностям Кузнецкого бассейна, должны быть абсолютно искоренены. В противном случае идея Урало-Кузнецкого проекта, несомненно, широко отвечающая интересам промышленно-экономического развития Советского Союза, может заглотнуть и сойти со сцены»²⁷.

«Ненормальности снабжения», о которых писал И. Г. Саухат, отчасти имели объективный характер. В первую очередь он был связан со сдвигом нагрузки на железнодорожную сеть СССР на восток, происходившим в 1920-е гг. В то время как грузооборот общесоюзной сети вырос в 1927/28 г. по сравнению с 1913 г. на 13,8 %, – на уральских железных дорогах – на 80 %, на сибирских – на 8,5 %²⁸. С учетом того, что железнодорожная инфраструктура СССР не превышала по своей мощности дореволюционный уровень, сезонные задержки и отсрочки движения грузов угля на Урал из Сибири из-за перевозки сибирских хлебных грузов в Центральную Россию были неизбежны²⁹. Регионы Урала и Сибири испытывали транспортный кризис из-за отставания темпов развития транспорта от темпов развития промышленности и сельского хозяйства³⁰.

Важно обратить внимание на другую проблему, отмечавшуюся уральской промышленностью: «недостаточные темпы развертывания сибирской каменноугольной промышленности» и «неудовлетворительное качество посылаемого кокса»³¹. Эти упреки относились к контролировавшей добычу угля в Кузнецком бассейне «Автономной индустриальной колонии Кузбасс» (АИК Кузбасс), колонии иностранных рабочих, существовавшей в 1921–1926 гг. Она была создана советским правительством и инициативной группой левых активистов западных стран для восстановления и развития угольной промышленности Кузнецкого бассейна под рабочим контролем. Особенности реализации этого социально-политического эксперимента лежат за пределами нашего исследования³². Значение имеет то, что АИК систематически ограничивал отпуск кокса уральской металлургии, пользуясь монопольным правом поставщика минерального топлива, в особенности на фоне постоянного увеличения на него заявок от Уралмета (в семь раз в 1926 г.). Председатель правления Уралмета характеризовал отношения с АИКом как «длинную канитель». На запрос Уралсовнархоза об увеличении отпуска минерального топлива Уралмету в 1926 г. АИК в несколько дерзкой манере отвечал о своем нежелании работать с синдикатом Уралмет в принципе, поскольку продажи угля в обход Уралмета непосредственно потребителям за счет конкуренции последних позволяли АИК увеличить отпускные цены на 30 %.

²⁶ Михеев М. В. Указ. соч. С. 53–56.

²⁷ Саухат И. Г. К вопросу о кизеловском и кузнецком коксе и выборе места их производства для нужд металлургии Урала // Хозяйство Урала. 1927. № 7. С. 51.

²⁸ Берёзов Н. Ф. Размещение черной металлургии СССР. М., 1933. С. 218.

²⁹ Борисов П. Н. Проблема топливоснабжения области в 1927/28 г. // Хозяйство Урала. 1927. № 8–9. С. 81.

³⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3. Л. 90.

³¹ Там же. Д. 4. Л. 143.

³² Morray J. P. Project Kuzbas: American Workers in Siberia (1921–1926). NY., 1983. 193 p.

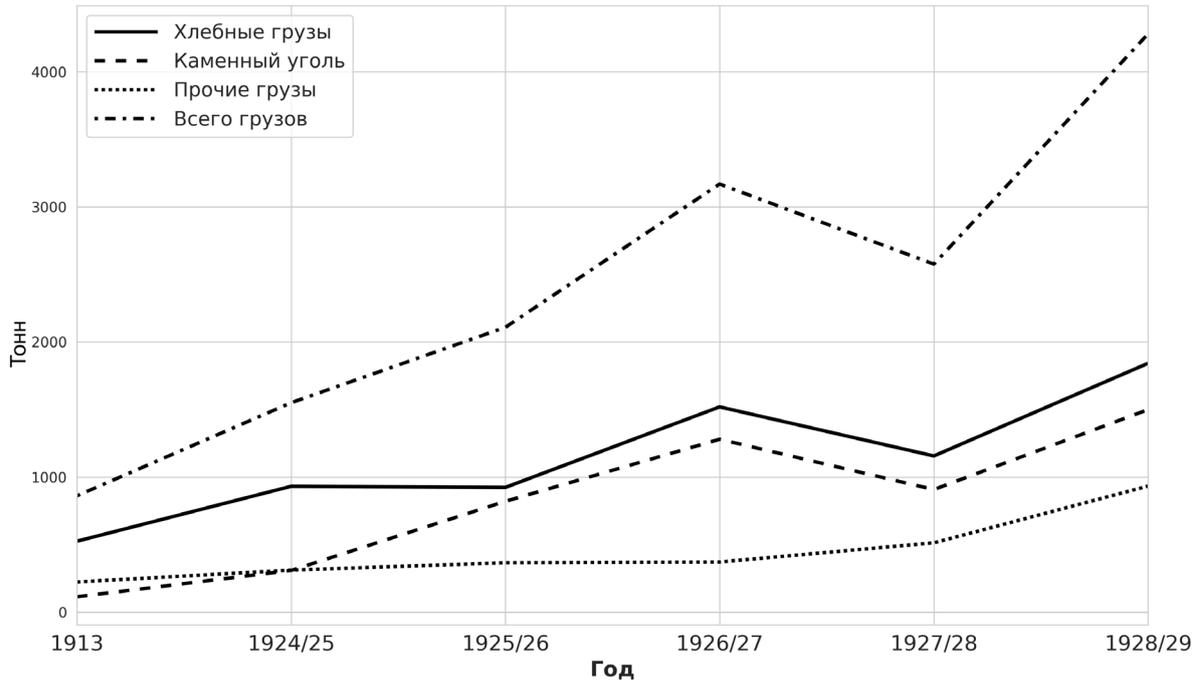

Рис. 3. Вывоз грузов из Сибири по железным дорогам в западном направлении в 1924/25–1928/29 гг. в сравнении с 1913 г. (тонн)

Fig. 3. Freight export from Siberia by rail in the western direction in 1924/25–1928/29 compared to 1913 (thousand tons)

Источник: Берёзов Н. Ф. Размещение черной металлургии СССР. М., 1933. С. 219

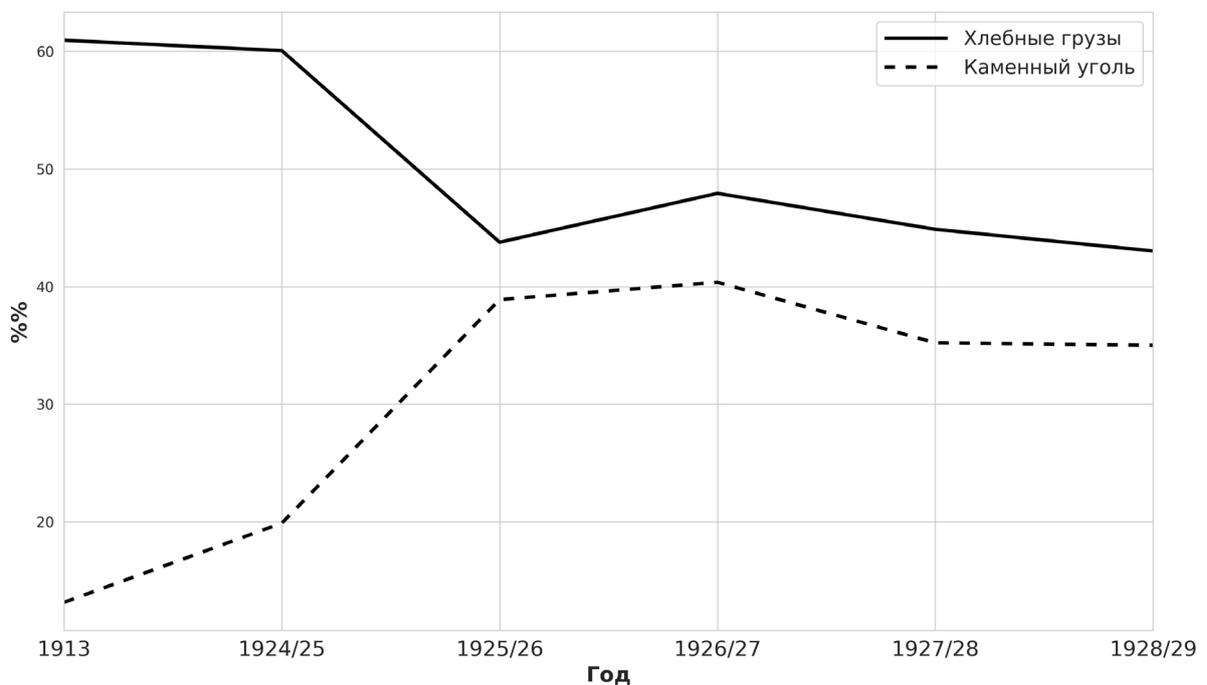

Рис. 4. Вывоз грузов из Сибири по железным дорогам в западном направлении в 1924/25–1928/29 гг. в сравнении с 1913 г. (%)

Fig. 4. Freight export from Siberia by rail in the western direction in 1924/25–1928/29 compared to 1913 (%)

Источник: данные рис. 3

Представительство АИК в Свердловске недвусмысленно заявляло: «Выполнять подобные распоряжения [об увеличении отгрузок кокса] Уралоблсовнархоза со своей стороны считаем совершенно излишним, полагая, что мы Уралоблсовнархозу ни в какой степени не подчинены [...]. Ввиду острого кризиса в железе и железных изделиях, переживаемого всеми предприятиями Союза [ССР], а в частности нами, мы при наличии возможности заключения сделок непосредственно с отдельными металлургическими трестами имели бы возможность в порядке взаимных расчетов получить необходимые для нас в срочном порядке железные изделия, об отпуске которых Уралмет отчасти не может, а отчасти не желает вести переговоры с нами и при обращении к ним с нашими заказами всегда указывает нам обратиться в сибирскую контору Уралмета, а последняя отговаривается неимением фондов, которые были распределены заранее между другими представителями Сибири»³³.

То есть, подобно тому как Уралмет использовал преимущества «металлического голода» в своих интересах, компенсируя отпускными ценами меньший, по сравнению с 1913 г., объем физического производства, АИК Кузбасс точно так же использовал нехватку минерального топлива на Урале для увеличения собственных отпускных цен без расширения угледобычи на своих предприятиях. Одновременно АИК прибег к своеобразному «шантажу» входивших в Уралмет предприятий и трестов, что угрожало целостности уральского синдиката. Партийные и хозяйственные власти Уральской области не могли решить эту проблему, ведь АИК не был подведомственен им и находился в другом регионе. Отчаявшись, правление Уралмета даже рассматривало возможности перевода уральской металлургии на завозившееся из Закавказья нефтяное топливо³⁴. Рассматривались варианты организации самостоятельной добычи уральскими предприятиями каменных углей в Западной Сибири параллельно с АИКом³⁵. В качестве альтернативы Сибири делались попытки коксования углей расположенного на западном склоне Уральского хребта Кизеловского месторождения, чьи металлургические качества современники емко характеризовали словами «надо бы хуже, да негде взять»³⁶.

ГЛАВМЕТАЛЛ И УРАЛМЕТ

«Металлический голод» поставил Уралмет в позицию конфликта с общесоюзным аппаратом хозяйственного планирования и управления. Советское правительство не могло мириться с катастрофическим дефицитом металла. В 1926 г. Главметалл обоснованно утверждал, что выявившийся в 1926 г. дефицит металла предопределил необходимость планового регулирования распределения черных металлов в направлении максимального обеспечения важнейших отраслей народного хозяйства. Недовыполнение производственных программ украинской и малые темпы развития уральской металлургии ставило в качестве неотложной задачи изыскание в срочном порядке правительством «всех имеющихся в его распоряжении средств», для того чтобы обеспечить бесперебойность работ металлургии и металлообработки. Полное исчерпание у металлопромышленности свободных к реализации ресурсов черных металлов создавало необходимость, в целях более планомерного обслуживания внутренних потребностей отдельных районов, жесткого вмешательства местных планирующих и регулирующих органов в дело распределения металла внутри районов. Складывавшаяся на ближайшие годы обстановка напряженного положения на рынке черных металлов требовала, по мнению Главметалла, сохранения и усиления плано-оперативного начала в деле металлособыта, осуществление которого возможно лишь при наличии мощного, широко разветвленного металлопроизводящего аппарата в лице всесоюзного металлургического синдиката³⁷.

Президиум ВСНХ СССР вынес решение о создании всесоюзного синдиката еще в ноябре 1925 г. Практическая деятельность Главметалла по реализации этого указания началась в феврале 1926 г. Уралмет, безусловно, предполагался к включению в общесоюзный синдикат. При этом все

³³ Цит по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 342. Л. 119–119об.

³⁴ Там же. Л. 119.

³⁵ Соловов М. А. Основные вопросы, связанные с развитием уральской металлургии и обеспечением ее сырьем и топливом // Хозяйство Урала. 1925. № 7. С. 81; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3. Л. 201.

³⁶ Цит по: Диомидовский А. Н. Применение бурых углей для отопления паровозов на Пермской железной дороге // Хозяйство Урала. 1927. № 12. С. 57.

³⁷ Спектор Г. А. Указ. соч. С. 94.

областное партийное и хозяйственное руководство на Урале возражало против такого слияния. При оценке перспектив централизации управления металлургической промышленности малая доля Урала в общесоюзном производстве означала первоочередное внимание центрального синдиката к доминировавшему внутри СССР Югу, привлечение на Урал оборотных средств по остаточному принципу. Как отмечал Ф. И. Локацков: «Всесоюзный синдикат – форма выдуманная. Не знаю, с каким расчетом вступать уральской промышленности, особенно когда мы будем иметь в этом синдикате такое объединение, как Югосталь, с таким большим удельным весом. [...] Если будет трещать Югосталь или другие [южные] тресты, все внимание будет уделено им»³⁸. Предположения председателя Уралоблисполкома оказались обоснованными. На переговорах по созданию все-союзного синдиката уральской промышленности было отказано даже в праве вступить в него на правах отдельного директората качественной металлургии³⁹.

Только силой политического лоббирования Уралобкома (предпринятого по поручению Уральской партийной конференции) Уралмет сохранился как самостоятельный синдикат, но тенденция к централизации управления советской промышленностью была очевидна и неизбежна⁴⁰. После переговоров об общесоюзном тресте стало понятно, что только большие объемы производства способны спасти металлургию Урала от постепенного затухания. Эти события сопровождались декларативными утверждениями правления Главметалла: «Сейчас никаких элементов конкуренции между отдельными районами не существует, наоборот, существует необходимость в общей, согласованной работе, чувствуется необходимость дополнения одного района [Юга] другим районом [Урала], и поэтому нездоровой конкуренции [между ними] сейчас нет»⁴¹. Такое невнимание Главметалла к особенностям территориального размещения курируемой им промышленности в угоду концентрации производства было одним из проявлений характерной для СССР т. н. ведомственности, то есть самостоятельных действий руководителей ведомств, направленных на защиту интересов порученных им организаций. В данном случае эти действия выражались в намерении концентрировать металлургическое производство СССР в едином синдикате, с целью в краткосрочной перспективе повысить эффективность распределения металлической продукции в стране. В долгосрочной перспективе такие действия, тем не менее, не могли решить проблему «металлического голода». Впоследствии, с созданием в СССР сети отраслевых промышленных наркоматов, эта проблема примет структурный характер⁴².

РЕГИОНАЛИЗМ

Отметим, что столь явное пренебрежение интересами Урала отнюдь не являлось оформившейся позицией союзного правительства. Более того, отдельные представители центральных властей сами призывали руководство Уралобкома активно лоббировать свои интересы перед ЦК. Присутствовавший на VII Уральской партконференции секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев заявлял: «Нельзя ли погромче кричать в том случае, если натыкаетесь на препятствия. Я это к тому говорю, чтобы голос Урала был маленько слышнее, потому что есть области и краевые объединения, которые маленько погромче кричат. Урал по его удельно-хозяйственному весу, по его партийному значению является одной из наиболее видных наших хозяйственных и партийных организаций, и поэтому голосок у этой организации не должен быть таким тонким, а должен быть посильнее»⁴³. Слова Андреева утонули в аплодисментах.

Когда весной 1927 г. Д. Е. Сулимов был переведен в Москву с должности первого секретаря Уралобкома на пост заместителя наркома путей сообщения, он, прощаясь с товарищами, говорил: «Конечно, скромность – хорошее качество, но не когда она в излишней дозе. Возьмите [партийные] съезды, голос Урала в союзном масштабе недостаточен [...], это не только я подмечаю,

³⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1. Л. 41.

³⁹ Там же. Д. 342. Л. 12.

⁴⁰ Там же. Оп. 3. Д. 3. Л. 101; Д. 4. Л. 164–194, 222, 246, 311–312; Оп. 4. Д. 4. Л. 15, 32, 103. Д. 10. Л. 252.

⁴¹ Там же. Оп. 4. Д. 342. Л. 2.

⁴² См. о ведомственности: Ермолов А. Ю. За фасадом сверхцентрализации: влияние борьбы ведомств за конверсию и реконверсию СССР в середине 1940-х гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2014. Т. 2013. С. 390–402; Маркевич А. М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2004. Т. 2003. С. 20–54.

⁴³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3. Л. 151.

но и Центр[альный комитет] подмечает относительно нас»⁴⁴. Судя по всему, «кричавшие погромче» регионы представляли хозяйственные работники Украины. Как писал о них сотрудник Уралплана Н. Ф. Берёзов: «Позиция, которую они занимают по отношению к Уралу, не оставляет сомнений в ее агрессивности, и защищается она при этом с чисто “южным” темпераментом»⁴⁵.

Таким образом, в Советском Союзе в 1920-х гг. активно формировались практики регионализма, явления, включавшего в себя настроения, намерения и действия региональных властей, направленных на обеспечение экономической исключительности и повышение политического статуса отдельной территории в системе общесоюзной экономики. При этом регионализм, скорее, являлся следствием экономической конъюнктуры, чем результатом политических амбиций региональных элит. Уместно предположить, что потворство представителей центрального правительства регионалистским тенденциям на Урале было результатом безысходности пути в направлении концентрации металлургических мощностей на Украине, ведь складывавшиеся здесь с дореволюционного времени тенденции указывали на невозможность за счет только этого региона насытить рынок СССР металлом. Такое действие ожидаемо встречало сопротивление со стороны украинских партийных, плановых и хозяйственных органов. Исход надвигавшегося противостояния был малопредсказуем.

ПОТРЕБЛЕНИЕ МЕТАЛЛА В СССР

В условиях «металлического голода» действительно не приходилось говорить о какой-либо конкуренции в части сбыта металла между предприятиями Урала и Украины, но металлический дефицит не мог не породить конкуренцию за продукцию металлопромышленности, приводившийся выше фрагмент заявления АИК Кузбасс демонстрировал пример участия в такой конкуренции Западной Сибири.

По данным Главметалла, наиболее крупным потребителем железа в стране в 1926 г. являлся Центрально-промышленный район (34,4 %), второе место занимала Украина (27 %), третье делили Северо-Запад и Кавказ (по 10 %). Урал получал на свою долю только 3 %. Таким образом, промышленно развитые территории СССР потребляли 83 % всей продукции советской металлургии⁴⁶. С такой долей потребления перспективы Урала в качестве одного из индустриальных центров Советского Союза были весьма сомнительны, а строительство новых предприятий здесь было едва ли возможным.

Но даже эта 3 %-я доля не отражала реального положения вещей. Уральские предприятия не могли сохранить для внутрирегионального потребления даже производившуюся здесь продукцию. В 1926 г. продукция Уралмета распределялась среди регионов Советского Союза следующим образом. 18 % отбиралось в пользу Наркомата путей сообщения (НКПС в силу своего хозяйственного значения пользовался преимущественным правом в части распределения металла). Через центральные договоры реализовывалось 17 % (преимущественно общесоюзным ведомствам и трестам). 13 % должно было оставаться на Урале. В Центр уходило 9,5 %, в Сибирь 7,5 %, на Украину 4,7 %. Доля остальных регионов в потреблении уральской продукции была незначительна⁴⁷.

Тем не менее уральская 13 %-я квота фактически не выполнялась. Существовала массовая практика перепродажи уральскими торговыми организациями полученного от Уралмета для реализации на Урале товара на сторону, в другие регионы. Уралмет называл это «неизбежным злом» и не мог мешать такому процессу. Наряду с этим, пользуясь недостатком оборотных средств трестов Уралмета (вызванных в т. ч. малыми объемами производства), коммунальные банки Москвы и Ленинграда практиковали предоставление ссуд уральским предприятиям с условием пересмотра квот на их продукцию в пользу двух столиц (кровельное железо)⁴⁸.

Стремление уральской промышленности специализироваться на дорогостоящей продукции приводило к зависимости промышленного строительства здесь от украинской металлургии. В 1927/28 г. из 200 тыс. тонн потреблявшихся в Уралобласти 47 тыс. тонн, то есть почти четверть, поступила из других металлических производящих районов, преимущественно из Украины

⁴⁴ Там же. Оп. 5. Д. 6. Л. 418–419.

⁴⁵ Берёзов Н. Ф. Южане об Урале // Хозяйство Урала. 1927. № 4. С. 34.

⁴⁶ Спектор Г. А. Указ. соч. С. 89–90.

⁴⁷ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 342. Л. 2.

⁴⁸ Там же. Л. 2.

(40 тыс. тонн). При этом из Украины Урал получал большую часть рельс для рудников (57 %), крупного сортового проката (52 %) и труб (54 %) ⁴⁹.

Распределение общесоюзных капиталовложений для Урала также не было обнадеживающим. В 1926/27 г. Урал затребовал от государства капиталовложения в размере 15 % от стоимости своей годовой продукции, при этом ему было утверждено только 11 %, а Украина от стоимости своей годовой продукции получила 20 % ⁵⁰.

Выводы

В целом на протяжении 1920-х гг. результаты выполнения производственных программ металлической промышленности Урала и Украины показали, что оба региона вплотную подошли к использованию мощностей, оставшихся у них с дореволюционного времени. Как отмечал в 1926 г. председатель Уралоблсовнархоза В. Н. Андронников: «Раньше у нас было мерило – подойти к довоенному производству, теперь это мерило отпало, нам нужен план развития на известный период» ⁵¹. Перед советским правительством стояла задача сформулировать этот план развития. Решить этот вопрос предстояло в условиях «металлического голода», фактор которого обнажил ряд внутренних противоречий в СССР.

«Металлический голод» продемонстрировал своеобразное несоответствие социально-экономического устройства Советского Союза с реальной картиной размещения на его территории производительных сил. Наиболее остро такое несоответствие проявилось на территории горнозаводского Урала, где политические преобразования Октябрьской революции навсегда перечеркнули возможности не только развития, но и простого сохранения здесь древесноугольной металлургии, технологии, определявшей промышленное развитие региона на протяжении почти 300 лет.

Вслед за этим Урал, оказавшись принужден к минерализации собственного топливного баланса, постепенно попадал в зависимость от каменноугольных поставок из Сибири. Это порождало регионалистские противоречия, выражавшиеся в попытках двух регионов принудить друг друга к экономическим отношениям на выгодных для себя условиях. Попытки избежать такой зависимости путем переориентации уральского производства на изготовление более дорогой продукции, дабы реализовывать ее с высокой прибылью в условиях «металлического голода», поставили металлургию Урала в еще более неудобное положение, едва не подчинив ее полностью украинской металлургии за счет их слияния посредством организации всесоюзного металлургического синдиката. Воспрепятствовать такому развитию событий удалось только политическими средствами уральской партийной организации. На этом примере хорошо видно, как возникавшие накануне индустриализации в стране регионалистские поползновения были не столько фактором политических интриг, сколько продолжением логики экономического развития.

Следуя этой логике, советская металлургическая промышленность оказалась сконцентрирована на Украине. При этом Украина демонстрировала неспособность удовлетворить спрос советской промышленности в металле в условиях «голода». Это было продолжением дореволюционной тенденции, когда, с одной стороны, национальный производитель видел для себя экономические преимущества в ситуации дефицита собственной продукции на рынке, с другой, значительная часть внутреннего рынка насыщалась импортом. В ситуации, когда центральная власть в СССР взяла на себя роль регулирующего центра, ей, говоря словами современников, предстояло сделать выбор между «естественными приспособлениями к условиям времени» в согласии с «историческим сложением» практики размещения на территории СССР народного хозяйства либо целесообразно «корректировать исторические навыки и традиции страны в отношении выбора районов для индустрии» ⁵². В последнем случае регионалистские тенденции неизбежно должны были возникнуть и на Украине.

(Продолжение в следующем номере)

⁴⁹ Фармаковский С. П. О металлоснабжении Уральской области // Хозяйство Урала. 1929. № 3. С. 11.

⁵⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 10. Л. 189–190.

⁵¹ Андронников В. Н. Основные положения... С. 1; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 5. Л. 118.

⁵² Жданов Б. Н. Перспективы развития промышленности на 1925/26–1929/30 гг. по пятилетним гипотезам. М., 1927. С. 24.

References

- Andronnikov V. N. [Prospects for the Development of Metallurgy in the USSR and the Role of the Urals in This Development]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1925, no. 2, pp. 8–20. (In Russian).
- Andronnikov V. N. [Basic Positions of the Five-Year Perspective Plan for the Development of the Ural Industry]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1926, no. 17, pp. 1–22. (In Russian).
- Ar dov P. A. [Main Problems of the Ural Industry]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1925, no. 1, pp. 25–36. (In Russian).
- Berezov N. F. [Southerners about the Urals]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1927, no. 4, pp. 34–51. (In Russian).
- Berezov N. F. *Razmeshcheniye chernoy metallurgii SSSR* [Deployment of Ferrous Metallurgy of the USSR]. Moscow: Gosstatizdat Publ., 1933. (In Russian).
- Birman I. P. [Paths of Development of Southern Metallurgy: Results and Prospects]. *Ugol' i zhelezo* [Coal and Iron], 1926, no. 14, pp. 88–101. (In Russian).
- Borisov P. N. [The Problem of Fuel Supply of the Oblast in 1927/28]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1927, no. 8–9, pp. 81–86. (In Russian).
- Diomidovsky A. N. [Use of Brown Coals for Heating Steam Locomotives on the Perm Railway]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1927, no. 12, pp. 56–61. (In Russian).
- Ermolov A. U. [Behind a Supercentralization Facade: Influence of Struggle of Institutes On Conversion and Reconversion in the USSR in the Middle of the 1940th Years]. *Ekonomicheskaya istoriya: Yezhegodnik* [Economic History: A Yearbook], 2014, vol. 2013, pp. 390–402. (In Russian).
- Farmakovskiy S. P. [On the Metal Supply of the Ural Oblast]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1929, no. 3, pp. 1–12. (In Russian).
- Grum-Grzhimailo V. E. [Organization of Design of New Plants in the Urals]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1925, no. 3, pp. 19–21. (In Russian).
- Klimenko K. I. [Our Achievements]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1925, no. 5–6, pp. 15–24. (In Russian).
- Markevich A. M. [Was the Soviet Economy Planned? Planning in the Soviet Ministries in the 1930s]. *Ekonomicheskaya istoriya: Yezhegodnik* [Economic History: A Yearbook], 2004, vol. 2003, pp. 20–54. (In Russian).
- Mikheev M. V. [The Urals and Ukraine in the System of Interregional Contradictions of the 1920s — 1930s (Part 1)]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2024, vol. 3, no. 1, pp. 46–63. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-1-46-63 (In Russian).
- Murray J. P. *Project Kuzbas: American Workers in Siberia (1921–1926)*. New York: International Publishers, 1983. (In English).
- Saukhat I. G. [Fuel Mineralization in the Urals and Conditions for Its Development in the Near Future]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1926, no. 9, pp. 134–138. (In Russian).
- Saukhat I. G. [On the issue of Kizelovsky and Kuznetsk Coke and the Choice of a Place for Their Production for the Needs of the Ural Metallurgy]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1927, no. 7, pp. 43–51. (In Russian).
- Solovov M. A. [Restoration Construction of the Ural Metallurgy]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1925, no. 3, pp. 15–18. (In Russian).
- Solovov M. A. [Main Issues Related to the Development of the Ural Metallurgy and Its Provision with Raw Materials and Fuel]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1925, no. 7, pp. 77–82. (In Russian).
- Solovov M. A. [Prospects for the Development of Ferrous and Non-Ferrous Metallurgy in the Urals]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1928, no. 10, pp. 33–44. (In Russian).
- Spektor G. A. [Balance of Ferrous Metals in 1925/26 and Their Distribution]. *Ugol' i zhelezo* [Coal and Iron], 1926, no. 7, pp. 85–94. (In Russian).
- Zhdanov B. N. *Perspektivy razvitiya promyshlennosti na 1925/26–1929/30 gg. po pyatiletnim gipotezam* [Prospects for Industrial Development in 1925/26–1929/30 Based on Five-Year Hypotheses]. Moscow: Promizdat Publ., 1927. (In Russian).
- Zherebin N. A. [On Methods of Reducing the Cost of Metal in the Urals]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1927, no. 1, pp. 130–146. (In Russian).
- Zykov V. V. [Ural Heavy Machinery Plant]. *Khozyaystvo Urala* [Economy of the Urals], 1930, no. 10, pp. 113–123. (In Russian).